

ВОПРОС ОБЫЧНЫЙ И ВОПРОС НЕОБЫЧНЫЙ

Как ваша фамилия? Кому из нас не приходилось отвечать на этот вопрос! С того памятного дня, когда мы впервые переступили школьный порог, каждый из нас твердо усвоил: он уже не просто Коля, Володя, Маша, но еще и Петров, Данилов, Комарова; без этой важной прибавки он вроде бы не полноценный человек, а все еще совсем малый ребенок.

Если не считать круга семьи, ближайших друзей и родственников, мы узнаем и отличаем людей прежде всего по фамилиям. Это касается как людей знакомых нам лично, так и тех, кого мы и в глаза не видели: живых и умерших, реальных и придуманных (литературные персонажи), известных всем или известных немногим.

Попробуйте-ка, взяв лист бумаги, написать все фамилии, которые вы знаете. Фамилий родных и знакомых, пожалуй, наберется не так много. Куда обширней окажется перечень знаменитых соотечественников: Разин, Кутузов, Рылеев, Пирогов, Менделеев, Маяковский и т.д., и т.д. А если к прославленным русским людям добавить всех известных вам иностранцев, то могу поспорить, что вы отбросите перо — это окажется непосильной работой. Каждый из нас носит в памяти огромный, в несколько сотен, запас самых разнообразных фамилий; и чем старше мы становимся, тем больше узнаем разных людей и их фамилий. Конечно, дело не только в возрасте: чем больше мы общаемся с людьми, читаем, слушаем радио, смотрим кино и телевизор — одним словом, развиваемся, тем больше фамилий запоминаем.

Не правда ли: услышав какую-нибудь фамилию, вы сразу же представляете себе человека, который ее носит, а то и нескольких людей. Случается и так: фамилия известна, а носите-

ля ее вы не знаете или не помните ни одного, но сразу же понимаете: назвали не имя, не отчество, не просто «слово», а фамилию. Существует такая, где-то слышалась, встречалась, и этого достаточно.

Любопытно и другое: чем старше мы становимся, тем реже задумываемся над происхождением и значением знакомых фамилий. При слове «Пушкин», например, в нашем воображении предстает великий поэт, его творения, но и в голову не приходит артиллерийское орудие. Почему? Да потому, что мы давно уже привыкли: любая фамилия, как одежда или прическа, еще не составляет главного, существенного признака человека. И смысл фамилии вовсе не обязан соответствовать наружности или сути ее владельца: Черняев может быть блондином, а Тупицын обладать острым умом.

Итак, фамилия — не более как условный опознавательный знак, помогающий нам запомнить человека, даже если мы его не видели, отличить одного от другого, обратиться к нему лично или назвать собеседнику.

Нельзя, вместе с тем, сказать, что вы всегда равнодушны к этому «условному обозначению» человека. Узнав, что кого-то зовут Бонч-Бруевич, мы можем сказать: «Ого, громкая фамилия!» Услышав «Иванов», можем заметить: «Обычная фамилия». Прочитав «Зороастров», решим: «Странная фамилия». И можем задуматься: а откуда, собственно, такая взялась?

Вот тут-то мы внезапно как бы обретаем слух на фамилию и становимся в какой-то степени лингвистами, точнее — антропонимистами, то есть людьми, занимающимися антропонимикой — изучением человеческих имен. Заинтересовавшись чьей-либо фамилией, мы можем даже задать ее владельцу несколько необычный вопрос, поставленный в заголовке этой книги: «Что означает ваша фамилия?»

А вопрос этот далеко не праздный, как не пустым делом оказывается вся антропонимика. Ведь изучение, в частности, русских фамилий помогает открыть немало фактов, ценных не только для самого языкознания, но и для других общественных наук: истории, географии, этнографии. Антропонимика в какой-то степени напоминает археологию: по

раскрытому имени, так же как по найденному в земле предмету, можно узнать о людях, некогда населявших эти края, об их происхождении, занятиях, верованиях, культуре, быте, вкусах.

Советский языковед В.К. Чичагов отмечал, что о существовании в Древней Руси многих слов, особенно бытовых, ученые узнали не из тех старинных текстов, где они встречались в качестве нарицательных, а из данных антропонимики. Такие слова, например, как щеголь, караул, деньга, башмак, бирюк, употреблялись в древнейших документах как собственные имена значительно раньше, чем как нарицательные. А отсюда уже можно делать вывод, с каких примерно пор соответствующие предметы или явления были известны нашим предкам.

В отличие от археологии, занятия антропонимикой не требуют дальних экспедиций и специальных инструментов для раскопок. Предмет антропонимики — в данном случае нас интересуют фамилии — повсюду вокруг нас: в любом школьном классе, цехе, воинском подразделении, газете, даже в таком прозаическом и печальном документе, как «список неплательщиков за квартиру». Конечно, ни один археолог не удовлетворится просто находкой — она требует расчистки, возможного восстановления, а затем уже тщательного изучения. Так и антропонимист: чтобы определить происхождение фамилии, он нередко должен очистить свой объект от позднейших искажений, восстановить его первоначальное обличье, а затем уже доискиваться смысла и истории образования. Но копать в земле антропонимисту не приходится, больше требуется «копания» в библиотеках и архивах. Труд весьма сложный, а во многих случаях и вовсе безрезультатный. Ведь буквально каждая фамилия имеет свою индивидуальную историю, обычно уходящую в далекое прошлое. Момент рождения фамилии — самый важный для антропонимиста — редко фиксировался в документах, и тайна этого рождения в большинстве случаев утрачена. О происхождении тысяч фамилий можно лишь догадываться с большей или меньшей степенью вероятности. Впрочем, такие же неприятности сопровождают и труд архео-

лога: вместо стопроцентного, бесспорного доказательства нередко приходится довольствоваться гипотезой, а то и несколькими. И тем не менее труд и того и другого ценен и нужен.

КАК ВОЗНИКЛИ РУССКИЕ ФАМИЛИИ

Итак, обратимся к русским фамилиям. Что это вообще такое? Словари поясняют: фамилия — личное наименование человека, переходящее (обычно по мужской линии) из поколения в поколение, иными словами — родовое имя. Личное имя и отчество меняются, во всяком случае могут измениться; даже если Иван Иванович назовет своего сына Иваном, а Иван-сын — своего сына тоже Иваном, мы будем иметь дело с тремя разными Иванами Ивановичами. Фамилия же у трех поколений во всех случаях будет одна — скажем, Крылов.

Есть, конечно, немало исключений: жена обычно берет фамилию мужа; по российским законам можно сделать и наоборот. Ребенку можно дать фамилию или отца, или матери. Но в большинстве случаев по традиции (а до 1917 года в силу закона) ребенок получает фамилию отца, а жена — мужа. Фамилии в том смысле, в каком мы понимаем их сегодня, сложились на Руси не сразу. Процесс этот растянулся на несколько веков. В первую очередь фамилии, или, точнее, родовые прозвания, появились у людей знатных, имущих — князей, бояр, богатых купцов. Вспомним самые ранние из дошедших до нас произведений русского фольклора и литературы — былины, «Слово о полку Игореве». Герой «Слова» был князем, но фамилии у него не было — мы знаем только отчество «Святъславлич». Воспеваются в «Слове» и другие русские князья — и все без фамилий, разве только с отчествами. На помощь разбитому войску Игоря автор, правда, призывает князя «Галицкого Осмомысла-Ярослава», но фамилия ли Галицкий? Нет, это указание на галицкие земли, которыми «володел» Осмомысл-Ярослав, и, смени он свои владения, изменилось бы и это его прозвание, звучавшее в те времена как нарицательное обозначение. Вместе с тем слово «Галицкий» — несо-

мненно, уже зародыш наследственной фамилии: пройдут два-три века и названия княжеств и вотчин прочно пристанут к именам князей, станут наследственными. Шуйский, Воротынский, Мосальский, Ростовский в XV веке — уже фамилии, переходящие из рода в род, даже если потомки феодалов потеряли права на свои земли, присоединенные к Московскому государству.

Вспомним, как звали трех былинных богатырей, изображенных на известной картине Васнецова: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. Муромец — не фамилия, а прозвище, напоминающее о том, что храбрый «Илья сын Иванович» был родом «из города из Мурома». Добрыня Никитич — сын Никиты, как об этом прямо говорится в былине «Добрыня и змей». Попович — прозвище молодого богатыря Алеши — может показаться нам фамилией: ведь существует же в наши дни такая. Но в древние времена Попович было прозвищем по роду занятий отца. Недаром сам Алеша-млад представляется князю Владимиру: «Меня, государь, зовут Алешей Поповичем, из города Ростова, старого попа соборного <сын>». Стало быть, сын Алеши звался бы уже не Поповичем, а скорее Богатыревичем, или Александровичем (полное имя Поповича было не Алексей, а Александр), или же по месту своего рождения — как Илья Муромец. Какого ни возьмем мы русского богатыря — ни у кого не обнаружим фамилии: Вольга Всеславьевич, Микула Селянинович, Соловей Будимирович. Даже и такие былинные герои, как Василий Буслаев и Василий Игнатьев — вроде бы обладатели вполне обычных по нашим понятиям фамилий — на самом деле имели только отчества в их

старой, неполной форме, без суффикса *-ич*; недаром оба Василия в былинах именуются то Буслаев и Игнатьев, то Буслаевич и Игнатьевич.

Даже в XVI—XVII веках, когда все знатные люди уже обладали наследственными фамилиями, или, как тогда говорили, «родовыми прозваниями», мы встречаем весьма заслуженных и уважаемых, но «бесфамильных» лиц. Всем известен казачий атаман Ермак, песня про которого поется до сих пор. Ермак — вариант христианского имени Ермолай (или же Ермил), отчество его было Тимофеевич. А кто знает его фамилию? В одном из преданий он, правда, называется Алениным, но это малодостоверно. Не случайно в официальных документах фамилия Ермака не значится. Характерно, что не имели фамилий и его соратники — уральские казаки Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк; имя с прозвищем или отчеством казалось вполне достаточным.

Современниками Ермака были русский первопечатник Иван Федоров со своим ближайшим помощником Петром Мстиславцем. Но Федоров — не фамилия, а неполное отчество (как Буслаев): отец первопечатника звался Федором. Мстиславец — прозвище по месту происхождения, вроде Муромец. Долго считалось, что Иван Федоров не имел прозвища, пока не нашли документа, указывающего на то, что сына первопечатника звали Иван Друкарович. Стало быть, к концу жизни переселившись на Украину, Федоров получил прозвище Друкарь, что по-украински означает печатник.

Всякому известны руководители народного ополчения 1611—1612 годов Минин и Пожарский. Но если князь Пожарский унаследовал свое «родовое прозвание» от предков, владевших селом Пожар, то у торговца Минина, носившего прозвище Сухорук, фамилии, собственно, не было: Минин означает сын Мины (в то время православное имя «Мина» было распространенным), иногда писалось «Минич», только потомки переосмыслили Минин как фамилию.

Как складывались и закреплялись фамилии, лучше всего показывает генеалогия древних дворянских родов. Дело не только в том, что, как уже говорилось, знатные люди обзаводи-

лись фамилиями раньше других: важно, что их родословную можно проследить по документам. Для примера возьмем «род Пушкиных мятежный» — предков нашего великого поэта. Основателем его был некий «муж честен» Радша, или Ратча (очевидно, уменьшительное от славянского имени Ратислав). Жил этот Ратча, как доказывает академик С.Б. Веселовский, в первой половине XIII века. Сын Ратчи звался Якун, у Якуна был сын Алекса, затем шел Гаврило Алексич, сыном последнего был Иван Морхиня. Если бы от Морхини пошли Морхинины, то сегодня мы говорили бы об «авторе «Евгения Онегина» Александре Сергеевиче Морхинине, об исследователях его творчества — морхинистах, о памятнике А.С. Морхинину на Морхининской площади в Москве. Но Морхиня еще наследственной фамилии не образовал; родоначальником Пушкиных стал его внук Григорий, получивший по какой-то причине прозвище Пушка. Григорий Пушка жил в конце XIV или в начале XV века, когда у знатных родов стали образовываться наследственные фамилии; к XVI веку процесс этот завершился.

После князей, бояр и дворян постоянными фамилиями обзаводились в первую очередь городские жители — торговцы, ремесленники, служилые люди, то есть лица, обладавшие какими-то правами и владевшие некоторой собственностью. Они заключали между собой торговые сделки, делили наследство, брали друг перед другом различные обязательства; для этого составлялись документы, а для документов фамилия, подтверждавшая ответственность или права не только отдельного лица, но и целого рода, имела немалое значение. Однако чем ниже на социальной лестнице стоял человек, чем реже входил он в юридические отношения, тем неустойчивее было его наименование. Сопутствующее личному имени прозвание, то есть то, что мы сегодня склонны принимать за фамилию, вроде Федоров, Мстиславец, Минин, менялось обычно с каждым поколением, в редких случаях удерживаясь в двух поколениях. Даже один человек в течение своей жизни мог называться по-разному. Это случалось по воле боярина — собственника «живых душ», воеводы, дьяка или даже писца-подьячего.

Так обстояло дело и после реформ Петра I, введшего в русский язык самое слово «фамилия» и повелевшего время от времени проводить «ревизии», то есть переписи населения. Но и занесение в «ревизскую сказку», столь хорошо знакомую нам по «Мертвым душам» Гоголя, не делало «фамильное прозвание» простого крестьянина постоянным и наследственным. Для людей «низкого звания» переход фамилий из поколения в поколение был необязательным и до самого XX века нарушался множеством случайностей.

Можно с уверенностью сказать, что наследственные фамилии утвердились в России окончательно только в советское время, в особенности же начиная с введения паспортов (1933 год). И еще в 1960-е годы можно было встретить людей, которые говорили: «Я — Михеев, потому что деда моего звали Михей, хотя фамилия его была Карпов». Или: «Мой дед был сапожником, от него пошли мы — Сапожниковы». Можно было найти и двоюродных братьев с разными фамилиями, хотя их отцы были родными братьями.

Все это не означает, что наследственных фамилий, дошедших из древних времен, у нас не сохранилось. Их не так мало, и носят их отнюдь не только потомки дворян или купцов. Такие фамилии, как Дьяков, Тиунов, Рындин, Стрельцов, сами по себе свидетельствуют о своем допетровском происхождении, ибо роды соответствующих занятий — дьяк (то есть чиновник: не смешивать с дьяконом и дьячком!), тиун (управляющий боярским хозяйством), рында (царский телохранитель), стрелец (военнослужащий особого привилегированного войска) — уже не существуют более двух с половиной веков. Еще более древнего происхождения могут быть фамилии Баскаков (баскак — ханский сборщик податей во времена монголо-татарского ига¹), Гостев (гостем в Древней Руси назывался приезжий купец), Ордынцев (ордынец — принадлежащий Золотой Орде).

Итак, нельзя сетовать на то, что у нас мало фамилий древнего происхождения и, стало быть, мало материала для

---

¹ Правда, позднее баскаком на Руси стали называть бойкого, нагловатого человека.

антропонимических «раскопок». Напротив, можно заметить, что очень немного русских фамилий происходит от более поздних наименований сходных профессий. Всякому знакомы фамилии Толмачев, Почтарев, Корчмарев, Дьяков, но слышал ли кто фамилии Переводчиков, Почтальонов, Трактирщиков, Чиновников? Или же Учителев, Парикмахеров, Официантов? Не случайно ухо наше привыкло именно к древним фамилиям. Корабельниковы, Струговщиковы, Ямщиковы звучат для нас естественней, чем Инженеровы, Механиковы, Шоферовы (хотя и последние три фамилии встречаются).

РАНЬШЕ ИМЕН БЫЛО БОЛЬШЕ

Оглянемся вокруг, прислушаемся к фамилиям своих одноклассников, сослуживцев, соседей. Фамилий какого типа больше всего? Несомненно, образованных от личных собственных имен. Не надо быть ученым-лингвистом, чтобы догадаться: Ивановы, Петровы, Даниловы, Марьины получили фамилии от личных имен своих близких или далеких предков — Ивана, Петра, Данила, Марьи. Кажется, что тут еще и размышлять?

А размышлять есть о чем — о древности имен, образовавших названные фамилии. Установить это, в общем, возможно: они не старше X—XI веков, когда на Руси христианская религия заменила языческие верования. Как известно, христианство пришло к нам из Византии, от греков. А первые русские священники — греки по происхождению — требовали, чтобы вступающие в христианство и их дети принимали имена, которые носили легендарные или реальные люди — древние евреи, греки и римляне, причисленные к лику святых и занесенные в специальный церковный календарь — святцы.

И вот русские стали называться в честь персонажей Ветхого Завета — священной книги как иудеев, так и христиан — Авраамами, Исааками, Моисеями, Аннами; либо именами древнеримских борцов за христианскую веру — Аверкиями,

Викторами, Лукианами, Наталиями; либо же в память греков — первых христиан нарекались Феодосиями, Евфимиями, Анастасиями и т.п.

Иноземные эти имена звучали для русского уха чуждо и непривычно, смысл их был непонятен, и новшество долгое время встречало глухое сопротивление. Все же насильственно насаждаемые христианские (их часто называют *календарные*) имена понемногу вытесняли привычные, древнеславянские, но, подчиняясь новой языковой стихии, меняли звучание: древнееврейский Иоханаан (благодать божья) превратился в Иоанна, а затем в Ивана; древнегреческий Евфимий (благодущный) стал Ефимом, а латинский Флор (цветущий; сравните слово «флора») был переименован во Фрола, от которого пошли Фроловы.

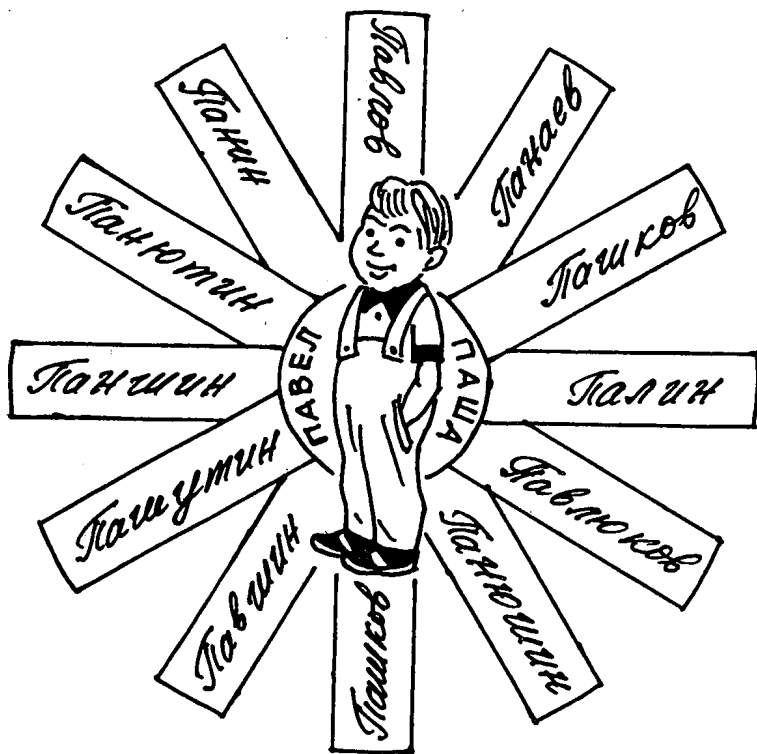
Распознать многие христианские имена, дошедшие до нас в корнях фамилий, в наши дни стало трудновато.

Во-первых, круг используемых «живых» личных имен, почерпнутых из святцев, к началу XX века заметно сузился: многие имена, популярные в старину — это доказывают хотя бы басни Крылова, — к нашему времени оказались основательно забыты. Сейчас мы редко встретим Луку, Архипа, Фому, Акулину. Мужские имена подобного рода еще встречаются в отчествах людей старшего поколения, а чаще всего в фамилиях: Лукин, Архипов, Фомин. Фамилия воспетого Глинкой Ивана Сусанина уже с трудом распознается как производное от «Сусанна», хотя западноевропейское имя Сусанна нам хорошо известно. В России же женское имя Сусанна долгое время было забыто и только с недавних пор стало вновь встречаться у молодых девушек, но уже не как православное имя, а как западноевропейское заимствование. Что же сказать о таких мужских именах, как Кирсан, Зот, Протас, Сазон, Меркул, Увар? Все они прочно забыты, хотя в фамилиях продолжают свою жизнь: Кирсановы, Зотовы, Протасовы, Сазоновы, Меркуловы, Уваровы.

Во-вторых, многие заимствованные имена подверглись в русском языке такому изменению, что подчас неузнаваемы, даже если «исходное» имя нам известно и памятно. Нередко

отсекался первый слог: Галактион превратился в Лактиона (Лактионов), Илларион — в Лариона с уменьшительным Ларя (Ларионов, Ларин), Эммануил в Мануйлу (Мануйлов). То же произошло с именами Анкудин (в святцах — Акиндин), Селиван или Селифан (из Сильвана), хотя, слыша фамилии Кудинов, Ливанов и Лифанов, мы уже не догадываемся (даже зная чичиковского кучера Селифана), что это производные от старых календарных имен.

В-третьих, всем нам известно, что личные имена употребляются в полных к уменьшительных формах: полное — Иван, уменьшительное — Ваня; полное — Надежда, уменьшительное — Надя. Сейчас уменьшительных форм какого-либо имени стало немного, чаще всего известна одна; между тем еще не

так давно от некоторых имен образовывали их множество. Сегодня нам нелегко по старому уменьшительному имени догадаться о полном. Но именно от уменьшительных форм — нередко давно забытых — образовались и продолжают существовать сотни русских фамилий. От имени Павел — фамилия Павлов, а от уменьшительных его форм — Панин, Панютин, Панюшин, Панюшкин, Паншин, Павшин, Пашков, Панаев, Панькин, Пашутин, Павлюков, Павлищев, Палин — и несть им числа!

Или возьмем имя Евстафий. По-гречески оно означает «твердо стоящий», но в русском, вопреки своему значению, оказалось весьма гибким и подверглось множеству изменениям. От вариантов этого имени образовались фамилии Остафьев, Останов, Астахов, Астанин, Аставин, Осташков, и это, конечно, не все.

От разновидностей популярного в старину имени Матвей произошли фамилии Матюшин, Матюнин, Мотин, Машков, Махнов, белорусская — Мацкевич; от имени Моисей — Мосин, Мосяков, Мосягин, Монин, Монюков, Моникин. Последние три могут быть производными и от имени Филимон — от последнего его слога.

Имя Петр породило множество уменьшительных форм, о которых напоминают фамилии Петунин, Петрунин, Петрушин, Петрашев, Петриков, Петрусов, Петряков, Петелин, Пекин, Пеньков (реже — от слова «пенёк»). Подлинная фамилия А.М. Горького — Пешков — указывает на то, что его предком был Петр, которого называли Пешко́.

Как сейчас уменьшительно называют Якова? Яша, да и только, ответит большинство читателей. В старину же уменьшительных форм было несколько, о чем можно судить по фамилиям Якушин, Якушев, Якушкин, Якунов, Якунин, Якунчиков. Кое-где эти уменьшительные имена сохранились и в наши дни.

Вот еще «расшифровки» некоторых русских фамилий, произведенных от вариантов православных имен:

Фамилия	Исходное имя	Первоначальное календарное имя
Авилов	Авило	Вавила
Акулов	Акул	Акила
Алисов	Алис	Елисей
Аничков	Аничко, Аникей	Иоанникий
Аносов	Анос	Анастасий и Амос
Анциферов	Анцифер	Онисифор
Бакунин	Бакуня	Аввакум
Барков	Борко	Борис
Бахнов	Бохно	— из Борислав
Веденеев	Веденей	Венедикт
Веклин	Векла	Фекла
Гранов, Гранин	Гран, Граня	Граний и Евграф
Гридин, Гринин	Гридя, Гриня	Григорий
Дашков	Дашко	Даниил
Деев	Дей	Дий
Дорохин	Дороха	Дорофей
Елесин, Елютин	Елеся, Елюта	Елисей
Ивлев	Ив	Иов
Илютин	Илюта	Илья
Калинин	Калина	Калиник (реже от ягоды калины)
Кастанаев	Кастанай	Константин
Кукшин	Кукша	Кукша (мужск. имя)
Курилов	Курило	Кирилл
Курьянов	Курьян	Кириан
Ларгин	Ларга	Ларгий
Логинов	Логин	Лонгин
Лукутин	Лукута	Лука
Нефедов	Нефед	Мефодий
Олесов	Олес	Александр
Полуектов	Полуект	Полиевкт
Полуянов	Полуян	Полиен
Радин, Родин	Радя, Родя	Родион
Санин	Саня	Александр
Сахнов	Сохно	Софрония (мужск. имя)
Селин	Селя	Селиний
Силуянов	Силуян	Сильван
Самохин	Самоха	Самуил
Симаков, Симагин	Симак, Симага	Симеон
Синьков	Синько	Симеон
Тишков	Тишко	Тихон
Улитин	Улита	Иулитта (по-итальянски — Джульетта)
Фалеев	Фалей	Фалалей
Фетисов	Фетис	Феоктист

Фамилии Сапрыкин и Супрунов образовались от вариантов имени Софрон; Свиридов — от варианта имени Спиридон. Любопытно, что имена Мелентий, Терентий, Дементий имели свойство менять два последних слога «ентий» на *ex* или *ix*, о чем свидетельствуют фамилии Мелехов, Терехов, Демихов. Православное имя Малахия («Посланник божий») переименовывалось в Малах и Малафей; отсюда Малаховы и Малафеевы.

Громоздкое имя Варфоломей наши предки упростили в Вахрамей, а Вахрамеев стали ласково называть Вахрушами или Бахрушами. От этих последних пошли Бахрушины, Вахрушины, Вахрушевы. Иногда отсекался первый слог, и тогда человека звали Фоломеев, Фоломин. У католиков старой России это имя звучало как Бартоломей, от уменьшительных его пошли фамилии Борткевич и Барташевич. Если встретятся сейчас в одной компании Варфоломеев с Бахрушиным, Фоломиным и Барташевичем, то вряд ли догадаются, что у всех четырех — общий «фамильный» предок!

Кстати, об это коварное имя ломали себе язык не только русские. Оно было распространено и в Западной Европе (вспомним Варфоломеевскую ночь, то есть ночь накануне дня святого Варфоломея 1572 года, когда парижские католики учинили массовую резню протестантов). Варфоломей был почитаемый святой, и на Западе его именем — по-испански и итальянски Бартоломео — крестили немало людей. Но и там оно упрощалось. Если вам знакома комедия Бомарше «Женитьба Фигаро» или оперы «Севильский цирюльник» и «Свадьба Фигаро», то вы, несомненно, вспомните незадачливого доктора Бартоло. Что же это за имя — Бартоло? Да такое же производное от Бартоломео, как какой-нибудь Вахрамей от Варфоломея!

Родоначальники Коняевых, Коновых, Кононовых, Конаковых, Коншиных, Конашевых, Конашевичей никакого отношения к коням могли и не иметь, а носили имя Конон, что по-древнегречески звучит вполне современно — трудящийся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru